

18+

Лена Скоринова

Новые Туфли Хочется Всегда

Лена Скоринова
Новые туфли хочется
всегда. Побег третий,
псевдозаграничный.
«Уйти, чтобы...»

*<https://litres.ru/24917111>
ISBN 9785448546426*

Аннотация

Книга:

загораживающе-возбуждающая как джаз, вкусная и многослойная как «Наполеон», азартная как психологический конструктор или кроссворд, омолаживающая душу как мощный нейроксидант и ещё отличное профилактическое средство от опрометчивых поступков.

Это мужчины могут бесконечно смотреть на огонь, слушать, как бежит вода, и что-то там еще. Женщины бесконечно могут смотреть, слушать и читать только про любовь. Это история о побеге, который совершают, чтобы... вернуться к себе.

Содержание

Послесловие вместо предисловия	5
Глава 1. Три, два, один...	6
Глава 2. Дневник	34
Важно. Русский немец	35
Глава 3. Важно. Завтрак и не только	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Новые туфли
хочется всегда
Побег третий,
псевдозаграничный.
«Уйти, чтобы...»**

Лена Скоринова

Дизайнер обложки Саша Салтанова

Редактор Мария Очеретина

© Лена Скоринова, 2026

© Саша Салтанова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-4485-4642-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бывает смешно.

Бывает весело.

Бывает смешно и невесело.

Бывает наоборот.

Всякое бывает.

Послесловие вместо предисловия

Это мужчины могут бесконечно смотреть на огонь, слушать, как бежит вода, и что-то там ещё. А женщины бесконечно могут только говорить и слушать, и ещё читать о том, как говорят другие женщины или мужчины, женщина и мужчина, а лучшие — влюблённые женщина и мужчина. Бесконечно женщины могут смотреть, слушать и читать только про любовь. Чтобы она, любовь, была или только померещилась, чтобы было её много, и чтобы выбор был, и муки выбора, ошибки и прозрения, счастливый финал, а лучшие два счастливых финала — в этой истории всё это есть, всё именно так, только так, и никаких компромиссов.

Ещё важно заметить для любителей фактологической точности: извините, Ваше время наступит, но... когда наступит год 2020-ый и следующие за ним. Только тогда вопросов «могло это быть — не могло быть» не останется. И герои, не вызывая ни у кого сомнений, смогут пользоваться благами цивилизации.

Третья история должна была рассказать о побеге заграничном, но она родилась, и стало ясно, что ей больше подходит другое имя — то ли «Побег в семейное прошлое», то ли просто «Сказка». Получилась ещё одна — третья — сказка для повзрослевших девочек, тайком верящих в чудеса.

Глава 1. Три, два, один...

— Новые туфли хочется всегда...

После этих слов очередная моя девушка стала «очередной бывшей». Я больше не стал ничего выяснять. Просто не мог. Устал. Она всегда смотрит на меня влюбленными глазами. Одинаково влюбленными в любом настроении и в любое время суток. Закрывает глаза она только в двух случаях: когда делает любовь и когда говорит, что хочет новые туфли.

В этот раз, думал, обойдется. В этот раз — это с ней. Уже начал верить, что эта влюблена именно в меня, а не в мою способность финансировать покупку ей туфель. И вдруг — такой удар. Под дых. Вскипел не сразу. Вот что значит опыт! Я даже решил выяснить, разобраться: возможно, зря так остро воспринимаю эту «песню» про туфли. И очень мирно спросил:

— Тебе нечего носить?

— Есть.

— Тогда зачем? Зачем тебе сейчас новые туфли?

Она так противно закатила глаза, расплылась в омерзительно-блаженной улыбке и выдала с придыханием:

— Новые туфли хочется всегда...

Сказал про себя: «Б-б-благодарю за нежную дружбу... я буду помнить тебя всегда. Или долго. Или как получится». И разжаловал ее в «бывшие». Вышел из квартиры и напра-

вился к своей машине. Решил отсидеться несколько дней на даче. Ключи от дачи у родителей. К ним и поехал. Надо было придумать, как бы технично и без лишних слез вывезти «влюбленные глаза» со всеми еёными вещами из моей квартиры. И, по возможности, без моего участия.

До родительского дома езды всего ничего — минут десять, так что, заходя в квартиру, еще не успел остыть. Отца не было дома. Меня встретила мама.

— Мам, хоть ты ответь мне на вопрос: почему им всем нужны туфли? Почему я никогда не видел этих безумных сцен между тобой и отцом?

— Здравствуй, сын! — мама поцеловала меня. — Я тоже рада тебя видеть.

— Ма, прости! Я в бешенстве! И с каждым новым разом бешенство усиливается!

— Вижу. Чай будешь?

— Буду, ключи от дачи попросить хочу — поживу там несколько дней, пока не придумаю, как квартиру от жилицы освободить.

— Не торопишься ли с выводами?

— Мам! Ну, почему?

— Потому что отец научился относиться к этому вопросу терпимо еще до твоего рождения, сын. Туфли — это такая мелочь... если есть с чем сравнивать.

Мама вышла из кухни и вернулась буквально через минуту с коробкой в руках.

— Мам... — я почти простонал, потому что понял: сейчас из коробки извлекут туфли.

Мама пожалела меня и достала только чек, который свидетельствовал, что туфли были куплены вчера.

— А предыдущие новые я купила десять дней назад. Сын, — мама посмотрела на меня пристально, но как-то по-новому, — новые туфли хочется всегда.

Я застонал нешуточно.

— Да-да-да! Новые туфли хочется всегда! И это лучше, сын, чем хотеть новое что-то другое или кого-то другого. У девушек со свободным сердцем или головой (не все любят сердцем) ведущее желание другое — не туфли. Если девушка просит у тебя туфли — возрадуйся и расслабься. Ее сердце или голова крепко заняты, и, скорее всего, тобой.

Пристальный взгляд мамы. Этот её пристальный взгляд я помню с детства. «Доброе утро, сын!» — говорила мама, целовала меня и смотрела пристально и нежно. По её взгляду я понимал, что меня ждёт сегодня много приятного и интересного. Мама часто предпочитала не говорить, а смотреть. До сих пор не знаю: то ли это была её уловка, то ли действительно ей проще было говорить глазами. Голос мамы звучал всегда тихо и мягко, будто бы ей неловко было говорить о таких пустяках. И еще по ее голосу могло показаться, что она слабая. А раз так, то к ее словам можно особо не прислушиваться. Можно не придавать значения ее словам. У людей возни-

кало такое искушение. Но думать так было большой ошибкой. Потому что, если не следовало молниеносной реакции на мамины слова, то она начинала смотреть. Хорошо запомнил, как один официант начал от маминого взгляда заикаться и потом так и не смог остановиться. Вот и на меня в раннем детстве мама чаще смотрела, видимо, чтобы не вводить голосом в заблуждение. Я считал это нормальным — говорить без слов. О чем-то важном. И мои родители в процессе воспитания много и успешно молчали вместо говорения. Не то чтобы меня растили в полной тишине, но всё же...

Мне рассказывали сказки и читали вслух книжки. Помню, как внутри всё дрожало и захлебывалось от восторга, потом замирало и леденело и снова рвалось на подвиги и в бой. Вслух мне читала мама. Это благодаря ее голосу и интонациям я не просто слушал, а проживал каждую страницу каждой книжки. Отец вслух мне не читал. Он приносил книгу из библиотеки и, будто между прочим, бросал: «Взгляни, это может быть тебе интересным». Я честно открывал книжку, начинал читать и заканчивал. На второй или третьей странице. Вкладывал закладку и усилием воли закрывал книгу. Во все не потому, что было не интересно. Мне было очень интересно, но я выжидал. Мама бросала равнодушный взгляд на книгу и смотрела, на какой странице закладка. На следующий день опять проверяла закладку, а на третий день приходила вечером ко мне в комнату и начинала читать.

Конечно, я слишком утрирую, говоря, что меня воспиты-

вали молча. Общались со мной достаточно. Правда, родители редко говорили серьезно — они больше шутили. Негромко и очень тонко. Посторонний человек легко мог принять всё за чистую монету, а мне, сначала чтобы выжить, а потом — чтобы жить в радости, пришлось быстро научиться слышать то, о чём говорят паузы между словами, читать то, что написано между строк, и говорить с подтекстом.

Говорили родители много и содержательно, но внутри меня сильнее всего отпечаталось именно их молчание, богато наполненное смыслами и эмоциями. Я привык к тому, что можно общаться без слов. Научился получать от разговоров в молчании удовольствие. Мне было очень комфортно в пространстве, где слова — не главное. И вдруг — девушки.

Совершенно очевидно, что они прекрасно понимали меня без слов, но без слов они со мной общаться не хотели! Выражение словами очевидного они считали необходимым и составляли блок, если не слышали хотя бы пары-тройки слов. Слов, ничего не значащих, но составляющих, по их глубоко-му убеждению, важнейший элемент обязательной программы. Ты видишь: она тебя прекрасно поняла. Но нет! Она будет делать вид, что не поняла ничего! Ты ей обязательно словами это скажи. Только тогда (!) она сделает вид, что всё поняла. Ты ей глазами, может, поэму целую прочел, а ей надо, чтобы ты обязательно сказал слова — пусть «Чижик-пыжик попку мыл», но словами.

Научился. Помогли цитаты. Спасибо родителям — я рос

начитанным мальчиком. Хотя мысль говорить не своими словами осенила меня не сразу. Раза три тужился неслабо, чтобы сочинить своего «Чижика-пыжика». А потом, решив признать собственное бессилие, процитировал что-то из Шекспира. Я ждал, что сейчас меня засмеют. Был убежден, что все девочки еще задолго до меня прочли все книжки, и Шекспира в первую очередь. А вместо смеха увидел восхищенно блестящие глаза. И стал вспоминать. Импровизировать с цитатами. Никогда не готовил их заранее, но в любой ситуации пара русских литературных слов и даже фраз мне всегда на ум приходили. И с удовольствием цитировал. Со временем до такой степени наострился к месту вставлять цитаты, что прослыл искушенным кавалером. Решил, что преодолел самое трудное. Еще чуть-чуть, и слава Дон Жуана меня бы настигла. Вместо славы Дон Жуана меня настигло непредвиденное — серьезные отношения.

Мне так сказали, честное слово! Она мне сказала, что у нас с ней серьезные отношения. Сам бы в тот момент до такого еще не додумался. Девушку звали Марина. Я ей понравился. Она напросилась ко мне в гости. Ходила по квартире и что-то складывала в уме. Было видно, что ей не хватает блокнота, чтобы записывать и зарисовывать. «Эта квартира требует серьезного осмысления», — так можно было бы прочитать выражение ее лица, когда она со мной прощалась. Марина не стала откладывать выводы в долгий ящик и всё решила сама. Она сообщила мне и всем нашим знакомым,

что у нас с ней всё серьезно.

Непосредственно в тот момент никаких неприятных ощущений я не испытал, а потому сотрясать воздух опровержениями не стал. Ну, серьезно, так серьезно. Чем мне это, собственно, грозит? Главное, она сама всё говорит, а мне можно молчать. Но не тут-то было. Однажды совершенно непреднамеренно я не ответил ей на какой-то вопрос. Марина принялась выяснять: почему? Я растерялся. Не потому, что не смог ответить. Отнюдь. Ответа на ее вопрос в природе не существовало вовсе. Это я понимал очень хорошо. Растерялся потому, что понял: цитаты в данной ситуации не помогут. Вся литература тут бессильна. Даже та, которую еще не постиг. Мое совершенное и единственное оружие в данной ситуации не действует. Открытие оказалось не из приятных, скажу я вам.

Марина же не унималась. Она самоотверженно строила наши отношения, на каждом шагу что-то со мной выясняя. Так я задумался, верно ли Марина понимает, что есть «серьезные отношения»? Мне эти её экзерсисы — выяснения отношений — давались трудно. Очень трудно. Чувствовал собственную никчемность и полное бессилие в этих сценах. Марина «тренировала» наши чувства с упоением. Я видел счастье в ее глазах. Будто она с детства мечтала вырасти, найти парня и до смерти довыяснять с ним отношения. До смерти парня, конечно. Когда увидел такую картинку в ее глазах, понял, что к чему-то настолько серьезному пока не готов.

Как честный человек, раздумавший жениться, стал думать, как об этом сообщить Марине.

Решения придумать не мог. Довольно долго. Марина сама мне помогла. Она в очередной раз попыталась вывести меня на чистую воду, чтобы потом милостиво простить. Кажется, сыр-бор разгорелся из-за того, что я куда-то опоздал на полторы минуты. Вдруг вспомнил, как в моем детстве мама могла неубедительно говорить, но при этом совершенно недвусмысленно и весьма категорично посмотреть, и попытался столь же однозначно посмотреть на Марину. Она замолчала. Сказала: «Сам дурак!» — и убежала.

Мне было шестнадцать лет. Я начал учиться выяснять отношения с использованием слов. Учился этому долго. И не всегда успешно. Я бы сказал, что до сих пор не научился, как показало сегодняшнее утро.

Но я отвлекся от рассказа о моих родителях. Когда рос, я не замечал ничего необычного. Мне всё казалось естественным. Был уверен: в других семьях всё точно так же. Но когда пошел в школу и начал общаться с другими мальчишками и девочками, то невольно начал сравнивать и с удивлением осознал, что мои родители особенные.

Мое раннее детство. Мне года три. Мы с мамой в ресторане. Обеденное время. Зал почти пустой. Мама заказала мне бульон и пюре с котлетой.

Прошло почти двадцать лет. Сейчас я удивляюсь, как так

получилось, что тогда, в мои три-четыре-пять, мы с мамой часто ходили в ресторан. Днем. Мы ходили обедать. Есть бульон, картофельное пюре и котлеты. Ресторанов было мало. Людей в них днем тоже было немного. Тогда не принято было обедать в ресторане. А мы ходили. Мне это казалось естественным. Я не задумывался, откуда у мамы такая привычка — обедать не дома. Пить чай и кофе не дома. Танцевать тогда, когда хочется, а не когда играет музыка, не когда все танцуют. Другие посетители нас часто принимали за иностранцев, потому что мы не следовали ресторанному дресс-коду — нас пускали в джинсах и кепках. Образ интуристов завершала фотокамера. Большая профессиональная, которую мама брала везде с собой и снимала меня в самых разных ситуациях. Фотографироваться для меня было так же естественно, как обедать бульоном в ресторане.

Камера была продолжением маминых глаз, поэтому я ее не боялся. Позировал или не позировал с удовольствием. Никогда не зажимался, чем сильно отличался от моих одноклассников. На школьных групповых снимках я всегда выпадал из общего настроения. Стоял как-то не так, голову поворачивал не как все, смотрел по-другому и улыбался, будто только что упал с луны и случайно оказался среди землян-школьников. Мама молча выдержала всего два таких фото. Потом она стала снимать наш класс сама. Все мои одноклассники быстро стали инопланетянами. Мы перестали строиться для фотографирования — мы стали просто дер-

жаться вместе.

Общих семейных снимков у нас появлялось мало. Отец странно реагировал на мамино увлечение. Он нервничал. Когда мама запиралась, чтобы колдовать над проявителем-закрепителем, отец переживал. Внешне он это никак не выражал, но я все-таки замечал. Просто ощущал, что он нервничает. Всякий раз, когда мама оказывалась вне его поля зрения, отец делался тревожным. Он боролся с этим беспокойством, но одолеть его не мог. Научился скрывать. Никто не мог заметить его «нервов». Только я и мама. Потому что мы отца чувствовали. Мама веселилась, замечая немотивированную тревогу отца, но не отказывалась от камеры и минут уединения в «темной» комнате.

Когда мама возвращалась, мы с ней подолгу рассматривали снимки. В них было что-то особенное. Мир на них был другим. Он находился рядом, он мне «махал и кричал», звал к себе. Этот другой мир хотел и стремился мне открыться, а я его не замечал. Мама фотографировала мой школьный двор, но в её интерпретации я его узнавал не сразу. Она снимала, как я катался на роликах, как ел мороженое, как заснул в кресле. На фотографии из обивки кресла смешно торчали нитки. У меня был вихор, и на снимке волосы торчали. Торчали точно так же, как нитки из обивки кресла. Вооружившись фотографией, я пошёл исследовать кресло. Искал-искал, но не мог найти торчащие нитки. В комнате стало темнеть. Включил стоявшую за креслом лампу и увидел! Вол-

шебно торчащие нитки. Точно такие, как на фотокарточке. Погладил их. Кресло стало для меня живым. Родным. У нас совершенно одинаково торчали волосы-нитки.

Папа не смотрел с нами фотографии. Он будто боялся что-то увидеть на её снимках. Отец забирал их, уходил к себе в кабинет и там, в одиночестве, рассматривал. Выходил из кабинета успокоенным, говорил, что хорошие вышли фотки. А когда мама уходила колдовать над следующей пленкой, папа снова начинал нервничать. Делал вид, что читает книгу, а сам смотрел в одну точку и не перелистывал страницы. Ни разу он не перевернул страницу до того момента, пока мама не показывалась на пороге комнаты с пачкой глянцевого карточек.

Я опять начал скакать. Мыслями. А в три года скакал в буквальном смысле. Везде. Даже в ресторане мы с мамой не сидели чинно за столиком. Сидеть за пустым столиком нам было скучно, и мы шли танцевать.

Помню, как мама попросила поставить принесенную с собой кассету кубинской музыки, и мы вдвоем танцевали сальсу. Люди, которые были в ресторане, смотрели на нас с удивлением. Это я сейчас понимаю, почему они перестали есть и устали на нас. А тогда мы с мамой ничего не замечали, мы «гостили на Кубе», и нам было очень весело. Мама в джинсах и на высоких каблуках. Я старался соответствовать ей в танце. Мама смеялась, и я понимал, что у меня всё

получается прекрасно. Я — король сальсы. Мужчины в галстуках нам хлопали. Папа тоже нам хлопал. Он уже сидел за нашим столиком. Мы вернулись к бульону и котлетам с видом триумфаторов.

Папа присоединялся к нам не каждый раз. Кажется. Хотя не помню случая, чтобы мы с мамой творили латино в его отсутствие. Танцев без папы не было. Но и в танце папы не было. Он сопровождал нас с мамой только взглядом. С его взглядом мамино латино удавалось особенно хорошо. И я очень старался. И еще: мама никогда не танцевала сама с собой. Она никогда не забывала о моем присутствии. Я всегда чувствовал, что мама танцует со мной, точнее, со взглядом папы и со мной.

Тогда я не задавался вопросом, почему мы в латино, а папа не с нами. Никогда. Вернее, очень редко. Он участвовал только в медленных танцах. Даже не так. Точная формулировка: отец танцевал только на годовщине их с мамой свадьбы. Один раз в году. В другие дни, когда начиналась музыка, мама никогда не тащила его с собой и никогда не приглашала никого, кроме меня. Помню, что мы с мамой «давали латино» часто. Сальсу, танго, ча-ча-ча. Мама танцевала так, будто ничего, кроме музыки, в мире нет. И еще будто бы знала какой-то секрет. В эти моменты у нее было абсолютно счастливое лицо. Это всё я понимаю сейчас. Но даже сейчас не понимаю природы этого счастья. И еще теперь я понимаю, как на нас смотрели чужие люди, те невольные зрители, что

оказывались днем в полупустом ресторане. Они смотрели с завистью. Я и сам сегодняшней смотрю с завистью на те наши с мамой танцы. И, как и они тогда, чего-то не догоняю. Неужели в детстве я знал что-то важное, что сейчас забыл?

Мама ответила бы на этот вопрос своим традиционным:

— Закон Эшби, сын, извини, но он опять работает.

Когда она первый раз упомянула этот закон, я наивно спросил:

— Ма, а что это за закон такой?

Мама помолчала. Было видно, что она решает: объяснять мне или нет. Я смотрел на нее чистым, незамутненным взором и ждал, что сейчас мне в «клюв» положат готовый ответ. Мама помедлила еще с минуту и утолила мое любопытство:

— Это как закон подлости, только лучше.

— Чем? — я еще на что-то надеялся.

— Имеет формулировку. И не одну, — мама взглядом попросила меня не досаждать ей больше вопросами, потому как отвечать на них она не намерена.

— Понял. Пошел искать хотя бы одну.

Почему мне всё это вспомнилось? Сажу за столом. Передо мной чай в чашке. Мама стоит у окна, изучает мой профиль. Солнце играет в копне её волос. Мама — волшебница. И волосы у нее волшебные. С детства разгадываю эту загадку и никак не могу разгадать. Может ли медь стать золотом? Может! И очень просто. Стоит маме встать у окна так, чтобы

солнечные лучи добрались до её волос, как они становятся медно-золотыми. Медь у корней и золото на концах. Детство прошло, а я до сих пор верую, что у мамы медно-золотые волосы. И эти узкие джинсы, и тонкий свитер. Как тогда, когда мне было три, и мы танцевали сальсу в ресторане перед бульоном. Медно-золотые волосы, узкие джинсы и сальса. Моя икона. Такая странная. Такая родная. Такая понятная без слов.

— Сын, у тебя остыл чай, — мама прервала мою молитву.

— Выпью холодный, мам, — я взял ложечку и начал что-то размешивать в чашке.

Мама смотрела на меня молча минуту или две.

— Чай у тебя без сахара, — мама потерла левый висок указательным и средним пальцами.

— Знаю, — отвечал я без пауз, не прекращая помешивать холодный чай без сахара.

Мама достала какую-то травку и фарфоровую китайскую чашку с крышечкой, включила чайник. Всё это она проделывала спокойно, буднично. И, будто между прочим, спросила:

— Сын, когда ты перестанешь требовать от ни в чем не повинных девушек какой-то идеальной любви, а потрудишься уже сам? И уже полюбишь тоже сам?

Замер с отвисшей челюстью. Перестал гонять остывший чай в чашке, положил ложечку на блюдце.

— Ма, не понял.

— А я тебе объясню, дорогой, — мама вышла из кухни.

Её не было минуты две не больше. В мозгу пульсировала фраза: «Потрудишься уже сам и уже полюбишь тоже сам». Возникло смутное предчувствие, что все выяснения отношений, которые были у меня до сих пор, — ничто по сравнению с надвигающимся разговором. Мама всегда давала сто очков вперед моим пассиям.

Мама вернулась на кухню. Чуть помедлив, будто бы еще раз решая, бить наотмашь или нет, положила передо мной древнюю толстую тетрадку. Понял, что всё, помилования мне не видать. Протянул было руку к тетрадке, но мама положила на неё свою.

— Сын, первый раз я испытала ужас, когда ты в 9 лет, собираясь в гости на день рождения к однокласснику, что, естественно, предполагало снятие ботинок, взял с собой запасные носки. Я не знала: говорить ли об этом отцу? Когда ты повторил «трюк» с носками — выбора у меня не оставалось. Отец выслушал меня молча. Слов и фактов на тот момент у меня было немного, поэтому я быстро замолчала. Мы молчали вместе. Вместе с твоим отцом. Нам было страшно продолжить разговор, потому что пришлось бы выяснять, от кого из нас тебе достались «такие» гены. А если не гены, тогда всё еще хуже! Как мы могли пропустить у тебя возникновение и столь быстрое развитие невроза?

Мы тогда струсили. Мы оба. И твой отец, и я. Мы решили поговорить сначала с тобой, а потом выяснять степень вины каждого из нас. Отец молча благословил меня, и я задала

тебе вопрос:

— Сын, зачем ты берешь с собой запасные носки, когда идешь в гости?

И ты нам всё объяснил:

— Мам, а что непонятно? Я прихожу на день рождения к Петьке, так?

— Так, — я старалась не упустить нить твоего объяснения.

— Нас кормят чем-то, и мы идем гулять. Так?

— Так.

— Мы там бегаем, мам. У меня потеют ноги. А потом надо вернуться к столу. В мокрых носках я не могу. Иду в ванную, мою быстро ноги и надеваю запасные носки. Я не прав?

По выражению лица твоего отца я поняла, что твои аргументы его убедили и успокоили. Не испытала тогда облегчения, но я привыкла доверять и тебе, и твоему отцу! Поэтому признала твою правоту. Но ты не стал останавливаться на достигнутом. Вскоре ты стал брать с собой еще щётку для брюк и щётку для обуви. То есть две щетки. Маленькие, но две. И, конечно, носки. Запасные.

Я решил прервать мамин монолог:

— Мне так комфортно, ма. Понимаешь? У меня и сейчас всегда с собой, точнее в машине, и запасные носки, и щетки для одежды и обуви, и крем для обуви, и даже рубашка. Совершенно новая в чехле — мало ли что?

— Много ли! Согласна, если бы только носками всё ограничилось. Но если уже дошло до рубашек... — мама театрально закатила глаза, — ладно, сын, оставим твои носки в покое — носи их, как хочешь, и столько пар одновременно, сколько тебе комфортно. Носки — это не главное, надеюсь, ты это уже понял.

— Я стараюсь, ма. Но пока не могу похвастать успехами. Мама продолжила, будто снова погрузившись в себя и видя нечто, недоступное моему взору:

— Мы всегда с тобой много говорили, сын. Мне так казалось. И словами тоже. Ты очень любил задавать вопросы: «Кто такой „Глюк“ и почему он приходит к нашему компьютеру», «Как дворник чистит двор зимой, когда темно — с фонариком, как у шахтера?», «Зачем папа ходит на работу, если конфет там ему не дают и за ними надо идти в магазин — шел бы сразу в магазин!» — и множество, бесконечное множество других вопросов. Много их было, но спрашивал ты о внешних событиях и предметах. Ты не спрашивал, например, почему болит голова. Ты просто говорил: «Болит голова». Единственный раз ты задал вопрос о наших отношениях с отцом — почему мы живем вместе. Я не ожидала. Привыкла рефлексировать на предмет ворон и компьютерных глюков, а тут — такой простой и такой сложный вопрос. Я привыкла объяснять тебе просто и ясно, без двусмысленностей и полутонов. Потому и на этот «другой» вопрос ответила коротко и ясно: «Потому что мы любим друг друга».

А ты поверил! Что всё так просто и ясно. Что в жизни и в отношениях всё так просто и ясно. И на ровном месте люди вдруг понимают, что любят друг друга, и счастливо живут вместе. Сейчас я жалею, что не попыталась объяснить тебе сразу про нас с отцом, что бывают такие вопросы, на которые нельзя ответить просто и вообще дать правильный ответ. А главное — не всегда нужно верить в простые ответы. Лучше поздно, но я хочу исправить ошибку. Пора тебе узнать — не всё в жизни правильно.

Мама встала из-за стола. Налила себе стакан воды. Выпила залпом. Посмотрела на меня:

— Будешь?

Я помотал головой. Почувствовал себя маленьким. Опять почувствовал, вспомнил это чувство — чувство безграничной маминой власти. Надо мной. Как я смотрел на нее снизу вверх и ликовал, что прямо сейчас узнаю еще один правильный ответ на очередной волнующий меня вопрос. «Идеально» и «правильно» — они для меня существовали в этих стенах всегда, они были воплощены в маме и отце, во всем, что родители делали и говорили. Я радовался. Нет, я ликовал, что порциями получаю знание об «идеальном» и «правильном». И сейчас на моих глазах пытаются разрушить мой идеальный и правильный мир? И кто?! Моя мама?!

— Как хочешь, — мама присела за стол, — ты, конечно, прав! Нельзя всю жизнь копить слова, а потом за раз вывалить их тебе на голову. Но что поделать! Ты — единственный

ребенок, и я всё еще учусь — постигаю секреты воспитания.

— Один из них — это стакан воды, который ты мне предложила?

Мама поставила мне щелбан. Не формально.

— Продолжу, с твоего позволения? — мама умеет задавать вопросы, не предполагающие ответов.

— А есть способ тебя остановить? — решил еще чуть-чуть ее позлить.

— Не думаю.

— Ощущая всю полноту своей свободы, прошу тебя, ма, продолжай.

— Ты — мой сын, — мама дотянулась до меня и нежно поцеловала в лоб, — и не только потому, что после носков ты начал «менять» девчонок. Кстати, факт с девчонками папу задел гораздо больше, чем запасные носки. В данном случае он был уверен, что в тебе начали «бродить» дурные гены. Он всё обдумал и сказал мне следующее: «Я этого ждал и боялся! Эти твои гены! Наташа! Эти твои гены! Я всю жизнь ждал и боялся, что они проявятся!» Мне было неприятно услышать подобное от твоего отца. Впервые в жизни он позволил себе в чем-то меня упрекнуть. Но, заметь, он не был мелочным! Он не про туфли какие-то дурацкие говорил! Тем не менее, мне было не радостно в тот момент, но я нашла в себе силы, чтобы не продолжить разговор в тоне, предложенном папой. Я ему спокойно ответила:

— Можно, наконец, тебя поздравить — правильно пони-

маю?

Твой отец посчитал мою реакцию странной и замешкался с ответом. Я молчала, не стала помогать ему наводящими вопросами или ответами. Ему пришлось уточнять самому:

— С чем же?

— Ты всю жизнь положил на то, чтобы ждать, и вот — дождался. Ты готов, я так понимаю, принимать поздравления?

Наш папа все понял. О чем он думал в последующие пару минут тишины — не знаю. Старалась не мешать ему. Не вмешиваться в таинство, не отслеживать ход его мыслей и не влиять на этот самый ход. Вспомнила твой неудобный вопрос о том, «почему мы с папой вместе», и рассказала этот случай отцу. Он сначала ничего не сказал, потом спросил, почему я раньше ему этого не рассказывала. Я ему ответила, что только сейчас он невольно прояснил для меня ситуацию. Теперь я точно знаю, почему мы с ним были и остаемся вместе. Опять повисла пауза. Он ждал от меня продолжения. Я могла бы ему помочь и сразу сказать, что именно поняла. Но во мне засела обида, и я молчала. Он понял, что если не задаст вопроса, то ответа не получит. И он спросил:

— И почему, ты думаешь, мы вместе?

Так странно: смотреть на человека, одновременно страшно на него злясь и испытывая к нему нежность, потому что в тот момент по-настоящему ему важны были не мои дурные гены, а то, что я ему отвечу про нас. И я его простила. Я всё равно бы сказала ему то, что сказала спустя несколь-

ко секунд. Но могла бы сказать так, чтобы сделать больно. А сказала так, чтобы было наоборот:

— Потому что мы любим друг друга.

Папа не просиял от счастья. Он взглядом погрузился куда-то, потом вернулся. Посмотрел на меня. На глаза у него навернулись слезы. Он их не заметил. Еще секунды его взгляд отсутствовал. Наконец, «вернулся», совсем сфокусировался на мне, и тихо сказал:

— Прости меня...

— А как же «эти мои дурные гены»?

— Прости меня, я тебя прошу...

Я пошла в свои закрома, отыскала там старые записки, фотографии, диктофонные записи и принесла их твоему отцу.

— Ты прав, дорогой, дурные они или нет, но и мои гены в нашем сыне есть.

— Прости, пожалуйста!

— Не перебивай! Ты прав в том, что мы кое-чего дождались, и хватит прятать голову в песок. У нашего сына перепуталось что-то в голове. И я, и ты понимаем почему. Он, как и мы в свое время, ищет себя и не ищет одновременно. Мы для него пример, идеал, который существует неизменно, и всегда был именно таковым. Кому, как не нам, рассказать ему, что это не так, точнее, не совсем так, как он думает. Идиллия — это всегда труд. Наши отношения — тоже труд. Не приведи Господи, какой! Но без него, видимо, ничего бы

не получилось.

— Без Господа? — уточнил папа.

— Без труда! Ты о чем?! — я готова была взорваться, но потом поняла, чему противоречу, и мгновенно остыла, — и без Господа, конечно, тоже ничего бы у нас не получилось. Но сейчас не путай меня, пожалуйста! Мы должны объяснить нашему сыну, что бзики есть не только у других, но и у нас с тобой. Идеальных людей и отношений не бывает — стало быть, надо терпимее относиться к людям.

— Ко всем? А можно к лысым оставаться крайне нетерпимым? — голос твоего отца звучал уже совершенно невозмутимо.

— Это еще почему? И причем здесь лысые? — отец всегда умел поддерживать в моем голосе постоянную температуру кипения.

— У нас с тобой лысины нет — значит, к лысым наш сын терпимо относиться не должен. Если следовать твоей логике.

— Моей логике?! Спасибо, но только за то, что не сказал о бзиках, что они — мои.

— Пожалуйста. Просто мои бзики не так заметны. Но не менее ценны.

Я решила сравнять счет за «лысых» и, копируя отцову невозмутимость, предложила:

— Потанцуем? Рок-н-ролл.

В глазах папы я прочла, что отомщена. Никогда не использовала этот запрещенный болевой прием, но и он никогда

мне не говорил о моих дурных генах, бзиках и неприязни к лысым. Последнее оказалось особенно обидным, потому что было клеветой. Папа понял, что перестарался. Невольно. Но сильно. Он переменился в лице. Перестал шутить. В общем, собрался.

— Позже — обязательно. А сейчас расскажи мне, как именно ты собираешься помочь сыну, — он сказал это тоном человека, не способного к выпадам в вопросе нетерпимости к лысым.

Я посмотрела на свой горе-архив и поняла, что в таком виде он — не помощь тебе, сын, а наказание. Поэтому сказала:

— А может, он сам разберется в моих записях? У нас вырос умный мальчик.

Я надеялась, что твой отец освободит меня от труда по упорядочиванию архива, например, взяв эту почетную обязанность на себя, но папа тоже успел адекватно оценить объем предстоящей работы.

— Наташа, напиши нормальный дневник! — отец спасал ситуацию и себя.

Моя решимость таяла на глазах. Попыталась еще раз «перевести стрелки»:

— А исследовательский дух? А потребность до всего дойти самому?

— Если ты хочешь, чтобы он так ничего и не узнал, то тогда, конечно, я за привитие вкуса к исследованиям.

Потребовалось ещё несколько секунд, чтобы смириться с неизбежностью предстоявшего мне подвига. Теперь нужно было убедить твоего отца, что я не хочу возвращаться в то своё прошлое. Мне это удалось. Теперь важно было не выказывать радости, что мне удалось задуманное. Я отводила глаза от папы и тупо тарасилась на архив. Если бы он заглянул в эту минуту в мои глаза, то прочитал бы в них примерно следующее: «Какое это блаженство еще раз пройти путь, ведущий к счастью. Так легко идти по дороге, когда точно знаешь, куда она тебя приведет. Видишь гораздо больше, чем когда сосредоточиваешься только на неизвестности, еще не зная, где и чем закончится твой путь. Когда идешь известно куда, ты смакуешь всю дорогу. Каждую кочку и травинку. И лес не страшный, и шорохи не пугают, и темнеет очень по-доброму и совсем не рано. Вся дорога тебе в радость. И чем ближе пункт прибытия, тем сильнее ликование в твоей душе. Потому что сейчас ты уже точно знаешь, что все закончится хорошо. Чудесно всё закончится. Великолепно. Настолько великолепно, что ты даже не могла предполагать. А сейчас можешь. И не предполагать, а точно знать. Ты знаешь и ликуешь. Ты опять на пороге своего счастья. Опять — это второй раз. И, скорее всего, на третий ты не решишься. Дорога при всей предсказуемости всё-таки забирает много душевных сил. И потому, что больше ты по этой дороге уже не пройдешь, вот так от начала и до конца, ты еще острее ощущаешь грядущее счастье».

С твоим отцом оставалось выяснить всего один вопрос.

— Хорошо, а ты мой дневник будешь читать? — я бы всё равно писала с купюрами, но важно было определиться, с какими именно.

— Нет! Ни за что! — отец вышел из кухни, но тут же вернулся, выпил воды и продолжил гораздо спокойнее. — Буду. Должен же я когда-то узнать, что тогда произошло на самом деле.

— Хорошо, но учти, если мы и разведемся, то из-за тебя, а не из-за меня!

Мама замолчала. Она еще секунд двадцать пребывала там, в том разговоре с отцом. Потом вернулась ко мне. Я тоже молчал. Если честно, хотел продолжения рассказа про тогда, а не сегодняшнего разговора обо мне. По взгляду мамы было совершенно непонятно, какого рода продолжения ждать. На всякий случай, я приготовился держать оборону.

— Ты свой холодный чай будешь пить с вареньем и пирожком или с чем-то одним? — мама сказала это так, будто бы ничто этой фразе не предшествовало.

— Мама?! — теперь взорвало меня.

— Ну а что? Если у тебя ни на столечко, — мама показала большим и указательным пальцами, сколько именно, и у нее получилось, что не больше одного миллиметра, — нет чувства драматургии! Нет, чтобы уже вдохновиться и, отказавшись от чая (можно ли после такого душещипательного

сюжета — я старалась, между прочим! — что-то есть), пойти читать столь шикарно презентованный опус! А раз нет у тебя этого чутья — сиди и пей свой холодный чай! Хочешь с вареньем, хочешь с пирожком, а хочешь — с тем и другим вместе.

— Мам, так это всё неправда? Про тебя и папу?

— Почему сразу неправда?! Правда! Только сейчас я к ней отношусь не как к драме. Если бы я уже была прекрасной старухой или хотя бы мне было шестьдесят, а то мне всего-то чуть за пятьдесят, а потому старческой сентиментальности от меня не жди. Позже! Возможно, даже слезу. А пока — вопрос о чае и варенье. И, кстати, о драматургии...

— Ма, чтобы ты дальше ни сказала, ты — лучшая.

— Сын, если ты серьезно, то тебе хорошо известны мои пристрастия в драгоценностях — этого достаточно и без столь дорогих слов. А если...

— Ма, я всё понял!

— Прекрасно. Не огорчай меня, сын. Я очень старалась научить тебя различать ситуации и понимать, когда дарить цветы, а когда говорить слова. Я старалась привить тебе вкус. Ко всему.

— Ма, у меня стойкий иммунитет к пошлости. Ситуация настолько не стандартна. И, прости, ты слишком хорошо выглядишь, вот я и заговорил в тоне «приударить». Прости-прости-прости, — я приложил руку к сердцу и склонил голову.

— Так вот о драматургии. Помнишь спектакли японского театра кукол Бурнаку?

— Не надо опять об этом представлении инопланетян!

— Хорошо, что ты помнишь. У них, сын, всё не так. Сначала долго под монотонный напряженный аккомпанемент певец-сказитель долго что-то рассказывает. Ты думаешь, что спектакль уже идет. А оказывается — это еще и не спектакль вовсе. Это нам объясняют предысторию и контекст. И в программке жирным шрифтом выделена фраза «с этого момента начинается спектакль». Спектакль всегда начинается с нужного момента — «с этого». И нам не нужно догадываться, что предшествовало «этому» моменту. Нам всё рассказали в деталях.

— Я на этой предыстории и заснул. Наблюдал, как монотонно водят грабельками по струнам странной домры-балайки, и под завывающую интонацию заснул.

— Вот и я говорю: не складывается у тебя с предысториями. Не знаешь ты, почему именно так действие разворачивается. У тебя, сын, спектакль то не с того момента начинается, то не так. И в этом отчасти есть моя вина. Наша с твоим отцом вина. Мы тебе историю рассказали, а предысторию утаили. Невольно. Вот у тебя «пьеса» и не играется.

— Ещё сегодня утром я был убежден, что у меня всё хорошо. Всё играется.

— Если ты прочтешь вот это, — мама пододвинула ко мне древнюю тетрадку, — и ничего не изменится, значит, мы с

твоим отцом перестраховались. И еще, я изменила имена, чтобы ты не стал прокурором с первых же страниц. И Париж — это условно. С тем же успехом я могла написать Лондон или Венеция. Париж, потому что ты там еще не был и не будешь цепляться к деталям. Кстати, тебе пора там побывать. И обязательно с девушкой. И чтобы это был тот самый момент, когда не думаешь про новые туфли. Такое бывает, только когда начинается что-то большое. Например, любовь. Или большая любовь.

— Когда она начнется у меня? Хотя бы маленькая...

— Скоро.

Мама протянула мне ключи от дачи и пакет с продуктами.

Глава 2. Дневник

Любовь была. Особый талант — понимать, что это и есть любовь, когда она уже была. Придумать бы такую луну или таблетку, чтобы научиться распознавать любовь, пока она еще есть.

Важно. Русский немец

Шеф заболел. Сильно. И на прием мы пошли вдвоем с его женой. Просто мы подруги. Наконец-то выведу в свет свою горжетку! Скоро из моды выйдет, а я еще никуда не смогла ее надеть. Всё сомневалась в уместности. И вот я: шелковое красновато-розоватое с чуть коричневыми, оранжевыми и зелеными бликами — и это только платье. Как положено коктейльное. Горжетка коричневого меха с розовым атласным бантом. А главное. Смертельный номер для мужчин — сапоги.

Высокие и абсолютно красные. Спокойный, элегантный, достойный красный цвет. Но когда я в них, спокойна почему-то только я. Остальные реагируют по-разному, но очень активно реагируют. Однажды на работе меня увидел в них наш самый главный президент. Он сказал: «Здравствуйте, Наташа». Сказал первым, а я ответила «Здравствуйте» и продолжила кому-то что-то объяснять по телефону. И только потом! гораздо потом! до меня дошло! Это был ОН. Поздоровался ПЕРВЫМ. Назвал меня ПО ИМЕНИ. До того момента я говорила первой, мне — в лучшем случае кивали. И были серьезные причины полагать, что меня чаще идентифицируют как предмет мебели. Оказывается, он знает моё имя. Господи, что же это было?! Стала искать ответ почему-то на полу. И увидела: не успела переодеть обувь... И люб-

ка — выше колена. И я, говоря по телефону, присела на стол. И что уж тут скрывать — нога на ногу. Я знала, что они, мои красные сапоги, действуют, но чтобы ТАК!

В общем, сапоги были сегодня на мне под настроение. О приеме, когда одевалась утром, я еще не знала. Но восприняла стечение обстоятельств как знак.

Прочитал первую страницу. На лбу собрались морщины. Я думал: «Что это? Что это за бред? Если это не шутка, то родители затеяли уж слишком жестокий опыт. Мама не могла такое написать! Она не могла так думать даже в двадцать лет! Кто угодно, Господи, кто угодно! Только не моя мама...» Я перевернул страницу и вверху следующего листа прочитал фразу, написанную зеленой пастой и мельче основного текста: «Дневник твоей идеальной мамочки». Как в хорошо изданной книге эта фраза повторялась на каждой странице, видимо, чтобы я не питал пустых надежд. Мама знала, что одной страницы ее дневника хватит, чтобы взорвать мне мозг. Я налил себе виски, сделал для разминки пару глотков и продолжил читать.

Наташка, а мою подружку — жену шефа — тоже зовут Наташка, была элегантно черна. И свежим загаром тоже. Убийственно блондиниста. Умопомрачительно красива и умна, если в трех словах. А у меня из всех достоинств — горжетка и сапоги, что меня абсолютно не смущало. В приглаше-

нии, полученном от немецкого консульства, значилось: приглашены господин N. с супругой. А пришли мы. Я и Наташка. Глаза у встречающих расширились. Они долго пытались понять: кто из нас супруга?

Нам тоже всё было интересно. Как никак, открывается немецкое консульство. Торжественное мероприятие. Всё по протоколу. А нам с Наташкой — радостно, что мы здесь одни. Не в том смысле, что кроме нас никто не пришел. Народу было много. В какой-то момент стало даже тесно. Мы пока не встретили никого из знакомых и очень надеялись, что и не встретим. Если что-нибудь отмочим ненароком — никто не узнает. Нам так казалось. Глупость, конечно, и ничего такого сотворять мы не собирались, но сама возможность пошкодить очень нас забавляла. Всё шло по плану. Так мы чувствовали. Хотя никакого плана у нас не было.

Я опять прервал чтение. Чтобы прочитать всё, мне потребуется часов десять-двенадцать. Чувствую — начинаю вытягиваться, стало быть, совсем скоро оторваться на сооружение бутербродов уже не смогу. Надо накрыть «поляну» и спокойно двигаться дальше. Спокойно, потому что сыто. Выдвинулся на кухню, разобрал мамину сумку. Занимаясь хлебом, колбасой, сыром и солеными огурцами, принялся размышлять, какие еще подготовительные действия забыл совершить.

Первое, о чем счастливо вспомнил, — зелень. Петрушка и

укроп. Они очень полезны, потому что отвлекают. Не знаешь, что сказать в компании за столом, — начни пощипывать укропчик. Или пожжевывать петрушечку. Не знаешь, с чего начать, — займись зеленью. Стал эстетично выкладывать листочки и веточки зелени на бутербродах. Вспомнил второй важный момент — кофе. Уже через три-четыре часа глоток кофе будет жизненно необходим. Заправил кофеварку водой, засыпал кофе, прихватил со стола сахарницу и отнес всё в комнату. Кофеварку надо установить таким образом, чтобы ее можно было включить, слегка вытянув руку. Кстати, какой рукой удобнее включать кофеварку: правой или левой? Той, которая свободна. Значит, кофеварку надо поставить не справа и не слева, а перед собой на стол. Логика помогает во всем, даже в правильном накрывании поляны.

Вот, собственно, и всё. Еда и кофе есть. Дистанция, которую бежим, ясна. Осталось разработать стратегию и тактику. Стратегия очевидна — победить. В этом забеге мне необходимо выиграть. Выиграть у кого? Я здесь один. С персонажами дневника соревноваться сложно. Даже мысленно. Слишком большая у них фора во времени. Мама эту дистанцию уже прошла. Отец, судя по всему, тоже успешно финишировал. Получается, моя удачная шутка, что я здесь совсем один, — вовсе не шутка. Выходит, я буду побеждать себя? Буду выигрывать у себя? А что? Вполне достойное продолжение сегодняшнего дня. Выиграть у себя. Выходит

и входит. Или наоборот. Входит и выходит. Выходит и входит. У ослика — шарик, у меня — бутерброд. Определенно, у ослика я уже выиграл, потому что мой бутерброд вкуснее шарика. Но я для себя соперник посерьезней. Сегодня утром сказал бы, что всё это бред. И японский театр — бред. И хотеть непрестанно туфли — тоже бред. Сейчас я готов принять всё перечисленное спокойно. Без приязни, но и без явной неприязни. Получается, сейчас я в более выигрышной позиции, чем утром. Я выиграл? Конечно. У себя? Конечно. Спасибо. Конечно. А выпил-то всего грамм сто виски!

Если задачу понял правильно, то чтение маминого дневника должно меня необратимо изменить. Перемениться во мне должно что-то. И кардинально. А как я пойму: переменилось или нет? И если переменилось, то что именно? И насколько сильно? Логика и высшее образование подсказывают, что я нарушаю процедуру эксперимента. Необходимо произвести замеры на старте, потом на финише. И в сопоставлении полученных данных смогу оценить эффективность всего содеянного со мной.

Что мы имеем на старте? Какие факты важны? Начнем с анкетных данных. Мне скоро исполнится двадцать три. Я работаю с шести лет по дому. Моя трудовая деятельность началась после, казалось бы, рядового события. В силу большой занятости родителей несколько часов в день я проводил с няней Настей, на которой отрабатывал командный голос. И вот однажды, в самый обычный день, ставший со

временем для меня весьма памятным, мы пошли с няней Настей гулять. Мы шли по улице. Я увидел женщину с тюльпанами. Она их продавала. Мне пришла в голову счастливая мысль. И я сказал Насте:

— Настя, я сейчас, — и направился к цветочнице.

Цветочница внимательно на меня посмотрела. Сначала она улыбалась, а потом я заговорил:

— Здравствуйте. Вы знаете, мне необходимо купить маме цветы.

Цветочница не нашла, что ответить. Она хлопала глазами и ловила ртом воздух. Мне нужны были тюльпаны, поэтому я продолжил:

— Сколько стоит один букет тюльпанов? Скажите, пожалуйста.

— Сто рублей.

Я не знал, дорого это или дешево, но знал, что соглашаться с ценой сразу нельзя. Вспомнил, как мама торговалась на рынке, и сказал в подражание ей:

— Это очень дорого!

Цветочница опять лишилась дара речи.

— Это очень дорого! — повторил я.

— А за сколько ты хочешь купить букет?

— За сорок рублей. Большие у меня нет.

Цветочница умиленно посмотрела на меня и сказала:

— Ну, хорошо, раз для мамы — бери за сорок.

— Спасибо, — сказал я ей и, повернувшись к Насте, про-

кричал: — Настя! Дай мне сорок рублей.

Мама получила цветы. Она была очень рада. Настя рассказала родителям историю покупки. Все мило посмеялись. На словах: «Настя, дай мне сорок рублей!» — родители переглянулись. А через несколько дней мне захотелось игрушку. Это была навороченная машина. Я посчитал нужным сообщить о возникшем непреодолимом желании заполучить эту машину родителям. Мама показала глазами на папу. Отец мне сказал:

— Хорошо. Давай подумаем, что я могу для тебя сделать. Новый год прошел, до дня твоего рождения далеко. На подарки у меня сейчас денег нет. Но ты можешь сам зарабатывать себе на эту машину. Ты будешь убирать свою комнату и каждую неделю получать зарплату. Через три месяца ты сможешь купишь машину, которую хочешь.

— Я хочу сейчас!

— Это невозможно. У меня нет сейчас денег на дорогую машину.

— А если ее уже не будет через три месяца?

— Купишь другую.

— Я хочу эту!

— Тогда иди и купи.

— У меня нет денег!

— Нет денег — заработай, а не ной. Могу предложить тебе еще дежурство у посудомоечной машины. Каждый день. Тогда ты купишь машину через пять недель. Но ты

должен без напоминания убирать со стола посуду и загружать ее в машину.

Я попросил полчаса, чтобы обдумать предложение отца. Мне очень хотелось заполучить эту машину, и как можно скорее. Я согласился. Охота за грязной посудой началась. Я охотился за ней, как индеец за скальпами. Мама пребывала в недоумении, но молчала. Каждую неделю я получал зарплату и складывал деньги в жестяную банку из-под чая. Отец оставался довольным моей работой. Через пять недель мы пошли с ним в магазин. Моя машина стояла на том же самом месте, где я ее впервые увидел. Взял её в руки и пошел к кассе. Отец ничего мне не говорил. Деньги лежали в моем кошельке. Машину я крепко держал в руках. Она была почти моя. До кассы не дошел. Остановился, вспомнил свою охоту за грязными тарелками и кружками, борьбу с ленью за порядок в моей комнате. Стоял, держал машину в руках и пытался понять, стоит ли она моих трудов. Отец подошел ко мне со словами:

— Хорошая машина.

Я купил эту машину. И у меня остались какие-то маленькие деньги, на которые я опять выторговал цветы для мамы. После покупки машины охоту на грязные тарелки я не прекратил. Насте по-прежнему давали какие-то деньги на мои нужды, но я у нее денег больше не просил.

С семи лет я начал работать на даче. С четырнадцати — у отца на фирме во время каникул, а с шестнадцати —

работал уже часто, если совсем честно — постоянно.

Я был студентом. Сразу после школы поступил на физфак университета. Отец настоял на данном выборе, поскольку считал, что нет другого способа упорядочить мое мышление. Системное мышление отец считал самым главным в жизни. Но с третьего курса с благословения родителей я стал постигать основы менеджмента и экономической теории. А экономическую практику познавал в свободное от учебы время — работал каждый день. Сначала грузил и разгружал, потом ночами писал аналитические отчеты. Мои отчеты быстро оценили. Я сказал спасибо отцу и физфаку за привитый моему мышлению системный характер. Потом мой мозг научился и другие свои качества переводить в полезные для бизнеса продукты.

Я опоздал на вручение обоих дипломов. На первую церемонию не успел, потому что получал свидетельство о регистрации своей компании. На вторую — потому что задержался в банке. Тогда решался вопрос о предоставлении моей фирме важного кредита. Сейчас моей фирме почти год.

У меня уже вторая по счету машина. Покупку первой на три четверти финансировал отец, моего труда в ней было лишь на четверть. Во второй машине отец участия не принимал, только кивнул, что не возражает против продажи первой.

Что еще важно? Про квартиру? Купили родители, когда закончил школу. Но на оплату, обстановку и ремонт я за-

рабатывал сам. Про девушек? Я успешен. Во всем. Умен, хорош собой, легок в общении. При первой встрече. А потом девушка обнаруживает мою занятость, увлеченность делом и друзьями, а не только ей. Она меня любит и поэтому принимает меня таким, какой я есть, и смиренно делит меня с тем миром, который у меня есть. Наша любовь длится вечно. Иногда до полугода.

Да, меня любят девушки. И я научился выяснять с ними отношения. В тот момент, когда девушка начинает со мной разговаривать серьезно, я начинаю ковырять вилкой в зубах. Конечно, если вилка находится у меня в руках. Чаще всего именно так и происходит, потому что девушки имеют тягу заводить серьезные беседы в приближении десерта. Она начинает серьезный разговор, я начинаю ковырять вилкой в зубах, она замолкает. Дальше мы едим десерт молча. Если разговор затевается в машине — я отпускаю руль. Она замолкает, завороженная моим искусством вождения автомобиля. Только на маму подобные трюки не действовали. Как-то я решил испытать свой приемчик на ней и начал ковырять вилкой в зубах, когда мама завела разговор неуместный (как мне тогда показалось). Мама, не прекращая своей речи, протянула мне ножик. Острый. Я понял, что ковырять в зубах, когда с тобой разговаривают, неприлично.

Веским основанием, чтобы забыть о любом разговоре, для мамы было одно. Её обезоруживало всегда. Когда я на-

чинал обеими ладонями тереть глаза. Мама забывала обо всем и сосредоточивалась на моих глазах. Это движение было инстинктивным. Я никогда не использовал его специально. Невозможно ни с того ни с сего начать тереть глаза двумя ладонями сразу. Для этого должен быть серьезный повод. Мама откуда-то об этом знала.

Что еще важно? У меня никогда не было уменьшительного имени. Меня зовут Лука.

Прошел час. Наталья в очередной раз пошла себе за вином. Мне не пилося. Мыслей в голове никаких. Очень боюсь этого состояния, когда нет мыслей. В такие моменты обязательно что-нибудь случается. Непредсказуемое и непредотвратимое. Случается со мной. Проще говоря — во что-то вляпываюсь. Пытаясь синтезировать хоть какую-то мысль, ну, хотя бы по поводу нарядов вибрирующего бомонда, чувствую спиной, что Наташка вернулась, и спрашиваю подругу:

— Ты мне бокал не захватила?

— Одну минуту, — говорит мужской голос.

Тут я медленно оглянулась. Весьма приличный со спины костюм неспешно направился к бокалам. У меня мелькнула мысль, что мне всё показалось, но приличный со спины костюм взял два бокала и направился ко мне. Не могу объяснить почему, но я всё ещё видела костюм, лица мужчины я не видела.

— Пожалуйста, — мужчина протянул мне бокал красного

вина.

В доли секунды я отметила, что галстук просто супер. Про рубашку сразу понять не смогла, но «сантир бон¹» — пахнет хорошо. Шикарно — на самом-то деле. На лицо мне так и не хватило смелости поднять глаза. Попыталась их поднять, но остановилась на уровне идеально выбритого подбородка.

— Спасибо. Извините, я Вас приняла за свою подругу.

— Чем я польщен.

«Мог бы и улыбнуться», — подумалось мне. Дальше он достал из кармана визитку. Протянул ее мне. Я взяла. Смотреть в нее не стала. Убирать в сумочку тоже. Сказала:

— Благодарю, — и продолжила смаковать вино.

— Могу рассчитывать на получение Вашей?

— Не держу.

Он не успел никак выразить свое удивление — вернулась моя спасительница. Наташка иногда весьма характерно улыбается. Я называю эту ее особенную улыбку — улыбка Чеширского кота. Она щедро одарила ею нашего случайного кавалера. Он достал вторую визитку и протянул ей. Мне стало спокойнее.

— О! Приятно, — ослепительная улыбка, — очень приятно. Говорят, господин Тахен, если бы не Вы и не Ваш партнер, точнее Ваши контракты, то долго нашему городу не видать открытия консульства Германии.

Совершенно незаметно Наташка вручила Марку Тахену

¹ Sentir bon (фр.) —хорошо пахнуть

свою визитку.

— Польщен, — Марк склонил голову, — такая осведомленность, Наталья. Я бы не стал преувеличивать свою роль.

— Но и преуменьшать её мы не станем, не так ли? — Чеширский кот старался вовсю.

Я начала чувствовать себя немного лишней и уже стала намечать пути незаметного отступления с последующим удалением с мероприятия. Была сделана пара мелких шагов в сторону, как Наташке позвонили. Она извинилась и, тронув меня за плечо, кивая, мол, займи Марка на минуту, отошла в сторону. Мы с Марком стояли рядом и молчали. Мы смотрели на Наташку.

Когда она говорит по телефону, трудно понять, с кем — с мужчиной или женщиной. Но слушать всегда интересно. Особенно бесится ее муж, потому что с подругой она может говорить, как будто с любовником, а с посторонним женщиной, как с сыном или мамой, — вот и пойми. Не получается! Всем прикольно, и только муж бесится. Зайка.

Мои размышления прервали:

— Значит, Вы не держите визиток. Как же Вас найти?

— А Вам нужно меня найти? — посмотрела на Марка испытующе. — Знаете, если женщина молчит, то вовсе не обязательно, что она хочет, чтобы ее начали развлекать.

— Извините, но людям на светском мероприятии принято общаться.

— О визитках?

— Я бы тоже сожалел, если бы их у меня не оказалось в нужную минуту.

«Ах, ты сволочь какая! Думает, что я психую, потому что у меня визиток нет?! Гад! И эта, подруга называется! Сама завлекла мужика и свалила, а мне тут выслушивай... Что ему ответить, чтобы надежно и вежливо поставить на место?»

— И всё-таки как же Вас разыскать?

— Вы опять о визитках. Не беспокойтесь! Я напечатаю одну эксклюзивную и пришлю Вам по адресу, указанному на Вашей карточке.

— Вам может это показаться странным, но я спрашиваю серьезно.

— Вам серьезно нужно меня найти?

— Возможно.

— Ну, вот. Вы уже сомневаетесь.

— Возможно.

— Есть шанс, что, получив контактную информацию, Вы не станете искать со мной встречи?

— Возможно.

Я изобразила на лице муки выбора. Указательным пальцем поманила Марка, чтобы он наклонил голову, и тихо сказала ему на ухо:

— Золушка, — глазами сказала ему: верь мне. — Уходя, постараюсь потерять туфельку.

Марк распрямился. Посмотрел мне в глаза, увидел в них искреннее намерение потерять на выходе туфельку. Прямо

перед его носом потерять. Поверил мне и, не отпуская мой взгляд, сказал:

— Но Вы в сапогах.

Сообщение оказалось для меня, мягко говоря, неожиданным. Потребовалась срочная проверка открывшихся обстоятельств. Я опустила глаза. Мои «туфли» действительно сильно напоминали сапоги.

— Ах, извините! Потерять сапог — слишком накладно для меня, — присела в реверансе. — Но в следующий раз, я Вам обещаю, — буду в туфлях! Хотя бы в одной.

Внешне старалась сохранять спокойствие, но внутри бесилась: «А что я психую? Шикарный мужик. Ну, не для меня, ну и что? Хамлю-то зачем? Зачем-зачем! Бе-бе-бе! А потому что не могу иначе. Прет».

— И всё-таки, как можно Вас найти? — Марк говорил спокойно и настойчиво.

Упираться дальше было уже неприлично. Достала сотовый. Это моя привязанность, граничащая с любовью, к вещам, конечно, характеризует меня не лучшим образом, но что поделать! К некоторым предметам испытываю именно тяготение. Каждый контакт с одной из этих вещей доставляет мне физически-эстетическое удовольствие. Я решительно достала свой сотовый и замерла от восторга. Залюбовалась.

Мои размышления о приятном опять были прерваны:

— Любите?

— Говорить по нему — да, а так — нет. Если Вы о теле-

фоне, конечно.

— Открываем счет?

— Слабых не бью, извините, сэр. Хотя и дурно, но всё-таки воспитана.

Посмотрела в его визитку и набрала номер. Карман Марка пошел небольшими беззвучными волнами.

— Вуа-ля, — бросив еще один восхищенный взгляд на трубку, убрала телефон.

В этот момент к нам вернулась Наташка, сказала, что звонил муж — скучает, приболел, сожалеет, что не смог быть здесь. С ее возвращением я опять попала в статисты.

— А Вам, Марк, как здесь нравится? Любите подобные мероприятия, — при этом глазами она сказала совсем о другом.

— Красиво поскучать — тоже красиво.

— Да Вы — шутник, — еще один привет от Чеширского кота.

— Вы собираетесь оставаться здесь до конца?

— Думаю, что нет. Всё, что нас интересовало, мы уже увидели, — Наталья взяла меня под руку, чтобы «мы» прозвучало демократично, а не самодержавно.

— Мне, к сожалению, необходимо вас покинуть, — Марк склонил голову в поклоне, — искренне рад знакомству и столь же рад буду новой встрече.

— Взаимно, — ответил Чеширский кот.

Он поцеловал руку Наташке. Взял мою:

— Видимо, сегодня я так и не узнаю Вашего имени?

Наташка удивленно подняла брови и в недоумении переводила взгляд с меня на Марка и обратно. Марк держал мою руку. Я поняла, что он взял ее в заложники и отпустит только в обмен на мое имя. Я не стала рисковать рукой и как можно тише сказала:

— Наталья.

Марк поцеловал мою руку и отпустил ее на свободу.

— Прекрасное имя.

— А главное — редкое. На сегодняшнем вечере. Вам, кажется, пора? — чувствовала, что его рукопожатие и поцелуй вызвали во мне нежелательный трепет. Словами я пыталась этот трепет замаскировать.

— Да, меня уже ждут. Всего доброго, — Марк еще раз поклонился.

— Взаимно, надеюсь, еще увидимся, — финальная Наташкина улыбка сулила блаженство при новой встрече.

Я не сказала ничего. Смотрела в другую сторону и молчала. Делала вид, что очень занята — пила вино.

Марк ушел. Надо отдать должное, ушел красиво.

Резкие смены настроений испытывают на себе не только мужчины, но и женщины. Например я. Резкие смены Наташкиного настроения. Только что это был вечно и магически улыбающийся Чеширский кот, и вот уже на меня накинулась фурия домашняя обыкновенная.

— Какая тебя муха укусила? Мужчина общеженской мечты! А ты?! Так глупо себя вести! Даже не представиться?

Я прекрасно знала, что сила моего противодействия будет влиять на силу Наташкиного действия, поэтому сопротивлялась слабо.

— Может, я органически не переношу всё, что общего пользования! И «общечьи-то» мечты тоже. Что ты меня долбишь! Ты мне подруга или где?! Мне самой тошно. Пошли лучше посидим где-нибудь. Выпьем. Мы с тобой весь вечер ничего не ели.

Наташка мгновенно оценила ситуацию, поняла, что от спокойного разговора на сытый желудок проку будет больше, и согласилась. Мы двинулись к гардеробу. Но запал внутри нее был слишком велик, поэтому совсем прекратить разговор она не могла.

— Знаешь, при каком условии ты выйдешь замуж? — Наташка старалась говорить тихо, чтобы посторонние не слышали.

— При условии, что жених мне подарит классическое кольцо от Тиффани. И сделает это молча.

— Согласна, что молча — главное условие! Но не акта дарения кольца. Не ему, я говорю о женихе, надо будет молчать! А тебе! Только если, послушай меня и подумай хорошенько! Только если: ТЫ. УВИДИШЬ. БУДУЩЕГО МУЖА. В МОМЕНТ БРАКОСОЧЕТАНИЯ. И ни в коем случае ни минутой раньше! Иначе НИЧЕГО не получится! ТВОЙ

ЯЗЫК... ЭТОТ ТВОЙ ЯЗЫК, М-М-М-М-М-М, НИКАКИМИ САПОГАМИ НЕ КОМПЕНСИРОВАТЬ! ТЫ ПОНЯЛА?!

— Конечно, любовь моя. Только тогда мне придется выходить замуж по какому-то средневековому обычаю, и даже боюсь подумать, за кого... Ты не находишь?

Наташка за свою жизнь выработала много полезных правил. Одно из них гласило: «Если ты не знаешь, что ответить, — не отвечай». От некоторых правил она иногда отступала. От этого — никогда. Поэтому, она застегнула пальто и сказала:

— Пошли пить.

— Заметьте — не я это предложила!

— Хватит хохмить, я ж добра тебе желаю! Счастья буквально!

— Нюсенька, я знаю. Думаешь, я сомневаюсь в благости твоих намерений?

Через несколько минут мы оказались в любимом пабе. Сели за привычный столик. Налили. Выпили. Наташка закурила и начала отходить. Гнев на милость, так сказать.

— Почему у тебя нет визиток? Ты понимаешь, что это неприлично? — Наташка затягивалась так, будто ей не давали курить несколько дней.

— А на фига козе баян? Ей и так весело, — с удовольствием закусывала и пыталась перевести разговор на кулинарную тему: — Салат вкусный, да?

— Я с тобой серьезно разговариваю.

Осознала: пока она не выскажется полностью, все мои усилия сменить тему будут тщетными. Чтобы тему закрыть, придется ее исчерпать. Пришлось отвлечься мыслями от салата:

— Я тоже. Так прикольно, когда нет этих бумажек.

— То есть тебе дают карточку, ты берешь и ничего не даешь взамен — это прикольно, да?

— Почему ничего? Я улыбаюсь.

— Тебе визитки получать нужно, а другим нет?

— Почему ты думаешь, что они мне нужны? Я старым дедовским способом — пишу в записную книжку, а бумажку выбрасываю, — жестом я показала, как именно её выбрасываю. — Ты попробуй уже что-нибудь — так вкусно!

Наташка закурила очередную сигарету.

— С ума с тобой сойду. Ты и визитку Марка выбросила?

— Конечно. То есть нет. Не посмела. Я ж со всем уважением к нему, — в воздухе я нарисовала вилкой вензель, — просто оставила ее вместе с бокалом на столике. Очень аккуратно положила его визиточку, даже не заляпала и не помяла.

— Это невыносимо... Какой салат вкуснее?

— Вот этот, с мясом.

— Ну, а если тебе захочется ему позвонить?

— Позвоню тебе, Нюсенька. И успокоюсь.

Мы начали хохотать. Впервые в этот странный вечер. Хохотать от души и до слез. Играла приятная музыка. В нее

очень удачно вплеталась джазовая тема. Я даже начала при-
танцовывать.

— Может, уже закончишь танцевать и ответишь на звонок? — Наташка опять превратилась в наставницу.

— Это мой телефон?

— Всё ясно, девушке больше не наливать. Кто звонит?

— Не знаю. Телефон показывает какой-то номер вместо имени. В таких случаях смотри, как я говорю «алё».

Сделала нижнюю челюсть тяжелой, просто каменной и сказала:

— Алё.

Рецепт фирменного голоса для «чужих»: немного металла, причем не алюминия. Что-то посерьезней, жестче. Немного усталости от жизни. Немного того, что вызывает мурашки, и только смелый продолжит разговор, услышав такое «алё».

Наташка замерла, выпрямила спину и сложила руки, как в школе за партой.

— Добрый вечер. Надеюсь, не помешал. Это Марк.

Почувствовала, что камень в челюсти и металл в голосе мне немного мешают, но стремительно от них избавиться невозможно.

— Если окажется, что помешали, — Ваши действия?

— Попрошу у Вас две минуты и буду краток.

— Время пошло.

— Не откажитесь позавтракать со мной, например, зав-

тра.

— Я работаю с 8—30.

— Не откажитесь разделить со мной ранний завтрак?

— С видом на Эльбрус.

— Что?

— Фильм такой есть «Завтрак с видом на Эльбрус».

— Не видел, к сожалению. Заехать за Вами в 7—00 будет не слишком рано?

— Об эту пору я обычно и покидаю мою обитель.

— У меня осталось 15 секунд. Надеюсь успеть услышать Ваш адрес?

— Ленина 11—18.

— Приношу извинения за отнятые минуты.

— И Вы не кашляйте.

— Извините?

— Что Вы, говорю, какое беспокойство.

Наташка смотрела на меня молча, широко открыв глаза.

— Н-ну? И кто это был?

— Представляешь, Марк. — я развела руками. — Давай еще бутылочку закажем?

— Это ты ему «и Вы не кашляйте»? — Наташка сделала затяжку как перед последним в жизни вздохом. — Только если знакомство состоится в момент бракосочетания! Только так! Идиотка! Я на мужа столько нервов не трачу, сколько на тебя! Будем пить водку, хватит разминаться. Я от твоих телефонных переговоров протрезвела.

Наташка набрала воздуху и приготовилась исправлять мою жизнь. Я пыталась сообразить, сорок градусов — большой ли это угол? Быть исправленной на меньшее количество градусов шансов у меня не оставалось. И в этот момент зазвонил спасительный телефон. Наташка взяла трубку. По выражению досады, появившемуся на ее лице, я поняла, что мне будет дарована передышка.

— Ну, еду, еду! — мягко, но с нотками раздражения сказала Нюся.

Выпили по рюмке дружбы, поцеловались, и моя подруга отчалила обдумывать план моего дальнейшего спасения.

Глава 3. Важно.

Завтрак и не только

Если честно, утром я всё ещё размышляла — ехать с Марком на завтрак или не ехать. Об эту пору приятно смотреть на пустой двор. Пьешь чай с лимоном, смотришь в окно. До семи утра на улицах нет суеты. Такое блаженное состояние проспать никак нельзя. У меня в жизни мало пауз, а дома — мало тишины. Ловлю их по утрам. Глядя в окно, стараюсь увидеть и почувствовать себя.

В 6—40 во двор въехала машина. Понятно, это — Марк. Смешно — боится, что улизну раньше обычного. Умный. Понимает, что раньше, чем без четверти семь, из дома я не выйду ни при каких обстоятельствах. Даже чтобы сбежать. В 6—56 он позвонил, что уже у подъезда. А то я не вижу! Поняла, не могу так рано принимать решения, перестала думать — идти или нет. Просто стала одеваться. Решила не повторять сеанс гипноза и надела обычного цвета ботинки. Но мысль остановить невозможно, даже если эта мысль сонная. Возник следующий вопрос: где мы будем завтракать об эту пору? Очень интересно, точнее, любопытно. Рестораны спят, да вообще все приличные места в этот час спят.

Марк приехал на простой черной немецкой машине с испанским женским именем Mercedes. Он открыл мне дверь,

потом закрыл за мной дверь. Потом сел за руль, включил музыку. К своему удивлению, идентифицировала Рахманинова. Кто-то хорошо исполнял второй фортепианный концерт.

— Любите Рахманинова? — скрыть изумление мне не удалось.

— Слушать — да, а так — нет.

— Странный выбор для немца — не находите?

— Не забывайте, что я из русских немцев — раз.

Я ждала продолжения, но Марк молчал.

— Два Вы передумали говорить?

— Если Вы знаете, что это Рахманинов, то, скорее всего, знаете и произведение.

— Знаю, и что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.